

А БЫЛ ОН ЛИШЬ СОЛДАТ...

Этой потрепанной, старой тетради более полувека. Почти не разобрать то, что написано бисерными буковками на желтоватых страницах. Но я - разобрала. Потому что этот почерк мне хорошо знаком еще с тех давних пор, когда солдатские треугольнички приходили к нам в Андрижан, и мы всей семьей с волнением читали скучные строчки солдатских писем... Как жаль, что они не сохранились. Особенно жаль того, первого, которое пришло после полутора лет полной неизвестности о судьбе близкого нам человека...

Но я помню эту жуткую исповедь. Я запомнила, как голосила моя мама, читая это письмо... Как горел Минск после 22 июня, и он увидел дымящийся провал там, где была наша квартира на Володарского. Как его, студента исторического факультета БГУ, отец силой втолкнул на станции в последний уходящий из Минска состав...

Голодные, мучительные блуждания по опустевшим местечкам в поисках родственников. Таких парней, как он, было несколько. Они прятались днем и шли ночью, пока в сентябре у Днепра добрались до своих. Призван был Прилужским РВК Черниговской области. И началась солдатская одиссея. Всю войну прошагал мой дядя, Сафьян Гедалий Моисеевич, в солдатской шинели.

Скупые записи в военном билете: пулеметчик, сентябрь-ноябрь 41, Семипалатинский эвакогоспиталь, ноябрь 41 - май 42, зам. командира артвзвода, май 42 - август 42, командир артиллерийского отделения, авг. 42 - май 45, стрелок, май 45 - ноябрь 45. Совсем ветхие листочки с благодарностями Верховного Главнокомандующего: 1943 год - за освобождение Черкасс, 1944-й - за Канев, за Корсунь Шевченковский, 1945 - за Сандомир. Комсорг батареи, парторг после того, как на фронте вступил в партию. Когда в 1980 одна из его дочерей уехала из страны, его не исключили из партии, ограничились "строгачом". В 1985-м запретили поместить в газете даже само маленькое извещение о его смерти. А он был одним из старейших работников, заместителем заведующего отдела комплектования Государственной библиотеки им. Ленина.

Когда в опустевшей квартире, среди ненужных книг, фотографий и прочих бумаг я подобрала старый фронтовой планшет, я и не знала, что еще раз встречу с моим добрым старшим другом, читая его дневник. В планшете оказался дневник, который он вел с ноября 1944 до самой демобилизации. Он ушел из жизни в 1985-м. Он прожил 65 лет. Он был из поколения тех, из которых только трое остались живы после войны. На этих ветхих страничках война - не в героическом обличье, а в ее рутине, в ее буднях. Та самая "окопная" правда, от которой тянет гарью, кровью, потом, матом...

24 ноября 1944 года

Начинаю свои записи в этой тетради, надеюсь, что мне суждено все-таки будет в этой же тетради написать слова "Победа" и "Мир". А как долго его ждут и с каким нетерпением. Все солдатские разговоры вертятся вокруг этого. И кто знает, кому же доведется дожить до этого...

28 ноября 1944 года

Сегодня грузили болванки на заводе с польских вагонов на наши.

Устали, как собаки. Эта зарядочка называется... Все время бьют в голову, что вот-вот начнется прорыв, что мы будем водружать знамя Победы над Берлином. На этом строится вся работа (примечание: Г.М. был парторгом батареи). Перед нами Висла, а затем Ченстохов, а южнее Краков. Куда же мы повернем и когда?

6 декабря

Получил ответ из Москвы. Выписать газету они не могут, ибо нет

Где чернилами, где карандашом, не только по-русски, но и на идиш, французском, немецком, польском, украинском. И бытовые эпизоды, и рассуждения. Воистину, сплав "ума холодных наблюдений и сердца горестных замет".

В этой тетради лежали старые письма, и среди них одно: маленький треугольник на полевую почту № 33526 из адресного бюро Минска, а в нем проверенная цензурой "Справка. Гр. Сафьян Моисей Яковлевич и Рива по адресному бюро г. Минска прописанными не числятся" 30.08.44. Подпись". Последняя точка, поставленная в мучительных раздумьях, в безумной надежде на чудо... Его маму, а мою бабушку, убили во время первого погрома в гетто 7-8 ноября 1941 года, а деда Моисея еще в 43-м соседи видели - его водили на работы: он был хорошим столяром. Погиб в Тростенце... Трагедию своего народа Г.М. переживал мучительно. Сколько об этом было написано горьких, обжигающих строк, когда он шел по городам и местечкам со следами "окончательного решения еврейского вопроса"... Польша, Германия, Галиция. Еще в этом дневнике листок с текстом военной присяги, армейские газеты и стихи Я. Коласа "В родных местах", переписанные от руки.

Много дней я провела за перепечаткой этого дневника (62 страницы машинописи). Но это было и грустно, и горькое, и отрадное время. Я беседовала с ним, с отчетливой ясностью воскрешая в памяти его доброту, мудрость, эрудицию, швейковский юмор.

Если эти страницы из дневника дойдут до читателей, единственной наградой может быть то, что на несколько травинок забвения станет меньше на его одинокой могиле со строгим памятником, что на Северном.

М. Семенова

Г.М. Сафьян и его жена М. В. Брук

лимита. Выписать можно только через Союзпечать или подив. (Примечание: речь идет о газете "Дер Эмес" ("Правда"), издававшейся Еврейским Антифашистским комитетом)... Я написал в "Комсомольскую правду". Здесь есть сержант-радист, прибывший к нам недавно. Владимир Евгеньевич Флинт - москвич, окончивший 10 классов... Отец его работает в А.Н., геолог. Я попросил его родителей. Возможно, что-либо выйдет.

(Далее автор называет В.Е. Флинта "Мон шер ами" или В.Ф. Много лет они дружили, переписывались. Е.В. Флинт - известный ученый-орнитолог).

9 декабря

Мечтаешь сидеть в "Публичке", хоть и полуголодным, но читать, впитывать, впитывать в себя, как губка. Но я сомневаюсь, удастся ли это. Одинок, как камень.

1 января 1945 года

Вот еще один Новый год в серой солдатской шинели, в безрадостной обстановке. В прошлом году были в Вересунах, а теперь в диких лесах Зависленского края. Просто чеховская серость кругом. Приходится слышать хамские анекдоты, сдобриваемые самым гнусным антисемитизмом. Что же готовит мне этот новый год? Жизнь или смерть? Судьба!

4 января

Подружился с Флинтом... Он вызывает меня на откровенность. На нашу жизнь и мою работу он смотрит скептически... Он все высказывает прямо. С ним можно поговорить кое о чем, кроме баб, жратвы, жратвы и пр.

...Сегодня проходил интересный спор: русские с украинцами спорили, кто продал Украину?

Не было б меня, сказали бы - жида, а так оправдывались: внезапность, активисты ударили, партизаны их всех принимали и т.д.

18 января

Итак, уже в 10 километрах от немецкой границы. Это был поистине блиц-марш, так, как немцы проходили в 1939-1940 и 1941 гг. Сопроотивления почти не видим... Техники он не бросает. Иногда попадают пленные. Какие впечатления? Артподготовка началась 12.01. Затем двинулись. Сколько было техники! За полсуток мы продвинулись на 10-12 километров. Была громадная пробка, которая только к утру рассосалась. Оборона, про которую нам так много говорили, оказалась ничтожной: проволочные заграждения, окопы, эскарпы. Дотов и дзотов мы не видели. Попалось несколько складов. И тут началась охота за трофеями. Самые дикие страсти разгорались, самые низменные и пошленькие: алчность, скупость, скряжничество и т.п. Некоторые "господа офицеры" превзошли всех и все. В Енджеговен нашли предсклад с новогодними подарками. З. трясся над ними, как в лихорадке. Но все-таки солдаты "разбомбили" его. Ребята ташат, берут баранов, гусей и коров. Но самое главное - водка. Напиваются, начиная с начальников и кончая солдатами. Пленные попадают, но редко. Девать их некуда, и расстреливают. Это не ненависть, а просто так. Особенно со стороны потомков Хмельницкого. Часто встречаются лужи черной запекшейся крови, а в них убитые

фрицы, и обязательно раздетые. В.Ф. смотрит на это не с точки зрения официальной награды, а человечности. Я с ним во многом согласен. Но все-таки жалеть их не стоит. Не все убивали, но и устанавливали степень вины нет времени. Кто не хотел, тот сдавался добровольно... Находим письма, фото. Мимолетно возникает вопрос: а что, если тебя убьют, и все тебе милое, дорогое будут потрошить, перебирать, топтать. В.Ф. на этот счет большой философ.

19 января

Ночью привели немца в гражданском. Переодетый. Ничего от него не добились и не хотел разговаривать. Пустили в расход. Довольно противный тип. Наши уже в 25 км за немецкой границей.

21 января

Итак, в Германии, в этой проклятой стране. Как долго мы ждали войти сюда и своим сапогом потоптали ее поганую землю. Границу пересекли ночью. Кругом была пустота и необыкновенная тишина. Как будто все вымерло. В селах почти никого. В Нойдорф одну семью нашли - исключительно женщины. Говорят только по-польски. Бегом побежали показывать дорогу.

По пути без умолку тархтели, рассказывали про то, кто их родители и что они полуполяки. Гитлер их обманывал. Перед отступлением всех угоняли, а кто не хотел, считали руссом и убивали, но они спрятались, ибо не хотят в Германию.

1 февраля

Был около суток по ту сторону Одера, где стоит 4 батарея и наша пехота. Полдеревни у нас, а в остальной - он. Снайпера лупят из домов. Была порядочная паника. Осталась первая батарея и половина нашей. Пушки все целы. Двое убиты... Наши подбили 13 зенитных установок, охранявших Бреслау и бывших по нам... Была отправка в пехоту. Из наших ушло 5 человек, в том числе и В.Ф. Формируют штурмовой батальон. Одер запомнится. Вчера 5-я батарея попала в окружение. Костя их вывел. Паника была большая. С. порвал все дела, и партийные, и комсомольские.

2 февраля

Передислокация. Возможно, Первый Белорусский. Получили боеприпасы.

5 февраля

Снова за Одером. Проехали около 120 километров и немецкие города Волан, Ринберг, Обрединк и Тебниц. Германия горит и горит. Населения почти нет. Мы стоим напрямую против Дрездена. Сейчас должно начаться разведка боем. Вернулись наши из пехоты, в том числе В.Ф.

8 февраля

Разрешили прием посылок. И вот началась горячка... Когда-то Эренбург

назвал немцев мотомешочниками. наших можно назвать пехмешочниками. Немцы брали только хорошие вещи. А наши берут все без разбору... Конечно, брать надо. Материальный ущерб нанесен великий, и посылки могут помочь в некотором отношении, но это приобретает уродливые формы. Нашел довольно интересную книгу. Все-таки они довольно наглы и циничны в своей пропаганде. Наглые и паршивые лица гитлерюгендов, стремящихся вперед, нахальные и потные, с надменными улыбочками. Все взято на пленку: обыск пленных и мирных жителей, как роются в домах и магазинах. По иронии судьбы сегодня русские солдаты роются в немецких домах, все ломая и круша.

11 февраля

Вот уже третьи сутки стоим вторым в Мершвице. Охраняем боеприпасы. Наши продвинулись далеко. Никто не приезжает. Говорят, Жуков уже в 30 километрах от Берлина. Никто не приезжает. Мы здесь одни - я и двое штрафных. Днем еще проходят машины. Ночью - никого. В деревне живут трое стариков и две старухи. Бояться некого, конечно, но чем черт не шутит.

Да, чужая враждебная страна. Все в ней против нас. Мы стоим в доме пастора Пауля Гешке. Много комнат и шикарной обстановки. Все переломано, перебито. Только библиотека осталась нетронутой, и я там порылся. Не знаю, был ли Гешке фашистом, но у него целая полка литературы, начиная с "Майн кампф". Книга в решении еврейского вопроса. Вроде русского Пуришкевича. В предисловии говорится, что эта книга выходит 32 раза, и за 45 лет она вышла в тысячах экземпляров. Да, надо их бить. Без пощады. Набрал я много книг. Теперь засяду читать, сделаю некоторые выписки.

14 февраля

Сегодня все-таки вспомнили о нас. Пришли 2 машины. Все пьяные в доску и еле держатся на ногах. Старики-немцы благодарны, что могут с ними говорить, не бью, не кричу. Страшно у них великий. Вчера какой-то пьяный капитан ворвался в дом к немцу: "Давай водки! Все разобью!" Старики дрожали, жаль было смотреть. Старик стонал: "Но у меня больше нет, сегодня 20 человек здесь было". Он поставил бутылку вишневого сока. Затем этот капитан дал всем закурить, в том числе и старикам, потом свалился. Я его притащил к нам и уложил.

15 февраля

Сегодня пришла машина с оружием, завтра утром поедет. Идет много освобожденных. Здесь и поляки, и украинцы, и русские. Видел еврея... Был большой лагерь в Бунцлау, там содержались польские и венгерские

евреи. Издевались беспощадно. Женщин остригали, потом убивали. Остались одни мужчины, 700 человек погнались дальше, а 300 слабых осталось. Они пережили все ужасы. Идут изможденные, худые, бледные. Когда я заговорил с ними, бросились со слезами на шею, целовали. И совершенно странно было слышать в 1945 году в немецкой деревне на идиш просьбы отомстить, мстить...

Разврат полный в связи с потоком женщин. Просто в рамки не укладывается, что возможен такой дикий разгул страстей.

8 марта

Сколько жестокости на войне! Уже не говорю об обращении с солдатами. С мирными жителями обращаются, как они в России. Конечно, немцы пишут, что это жидовская агитация... Мужики просто без разбора лупят всех. И жалко их, но когда вспоминаешь, что они сделали со мною!

10 марта

...Мы здесь здорово вклинились. Здесь действуют власовцы. Они теперь как заградотряды: сзади сидят, чтобы немцы не удрали.

25 марта

Вчера ходили на проческу леса. Довольно трудная работа, хотя сначала кажется интересной. Получил две открытки от матери В.Ф. Скоро уже должен получить "Дер Эмес". Ей удалось выписать.

27 марта

На дворе уже настоящая весна. И так, еще одна весна, еще одно лето в солдатской шкуре. Провожу дни в блиндажах и с автоматом за спиной. Очень обидно будет погибнуть на пороге победы, как многие мои товарищи.

Работы по горло. Опять НП строишь. Земля - одни камни и галька. Адский труд. К тому же на бугре, который простреливается. Двадцать раз пули заставляли лечь, а один раз просто между рук просвистела. Получил от матери В.Ф. бандероль, два номера "Дер Эмес". Читаю - не начинаю. По правде, я ожидал большего. Много материала из жизни еврейского народа, которого немного осталось. Когда читаешь, выступают слезы. Да, у тех, кто побывал у немцев и остался жив, по-моему, проснулось национальное самосознание.

Я читал письма его (В.Ф.) матери к нему. Конечно, проникнуты материнской любовью и нежностью к единственному сыну на фронте. Она ходит в церковь и пишет, что народ горячо и усердно молится за здоровье Верховного Главнокомандующего, командующих фронтами и всех солдат и офицеров о даровании Богом победы.

11 апреля

Нашел сегодня листовку. Рисунок: солдат с полными ужаса глазами лежит под колючей проволокой, а внизу стоит богато сервированный

стол, за ним сидят двое типичных евреев, толстых, лысых, носы с горбинкой, волосы кучерявые... На стене висит портрет Сталина. На обратной стороне стишок: "Сидя в тепленькой квартире, жид не думает о мире, вкусно жрет и лопает, а, подвыпивши, поет: "Гибнут гои, ну и пусть. Нам приятен костный хруст..." Эти же стишки были и в 1941 году.

4 апреля

Весна в полном разгаре, а мы чахнем в сырых блиндажах. Достал Э. Ремарка "На западном фронте без перемен". Мировая книжечка. Просто лучше не сыскать. Там так ясно изложены солдатские мысли и думы. Я ее и раньше читал. Теперь же, когда кое-что сам пережил, понял прелесть этой книги. В.Ф. очень увлекся ею... В Польше осталось 200 тысяч евреев. Они спасались у нас и в партизанских отрядах.

8 апреля

Быстро текут дни... Скоро будем наступать, но пополнения получать не будем, и с этими силами можно закончить разгром. Скорей бы началось. Нашел сегодня листовку РОА: "Под руководством жидов грабят, убивают, насилуют. Новое черное пятно жидобольшевизма на русском народе, на России. Мы знаем, что свора жидовских подстрекателей делает все возможное для того, чтобы натравить на тебя народы Европы. Мы знаем, что все насилия и зверства, которые совершаешь ты, - не в складе прекрасной русской души... Ты опьянен липкой жидовской ложью и делаешь то, что приказывают делать юродствующие Эренбурги: "Убей немца!" - и ты убиваешь невинных матерей и детей, старух и стариков: "Ишь, какие паиньки!"

13 апреля

Копаем НП. Это поистине каторжный труд с вечера до утра. В темноте кончаешь копать. Когда доходишь до пояса, уже труднее, а когда яма в рост и выше - настоящие муки. Поднимаешь лопату и проглатываешь стон, как будто душа вылетает из тела. Делаешь последнее напряжение мускулов и забрасываешь лопату над головой. Потный, руки в мозолях. Мне не сравняться с другими. Те здоровые ребята, моложе, не так измотаны. А днем оказывается, что вся наша работа пропала. Блиндаж отходит пехотному командиру. Это не наш участок. Начинаем снова в 15 метрах копать. Руки уже не слушаются, невыносимая боль в пояснице и спине. Вызывают лейтенанта К. "Наверное, снова отставить", - думает каждый из нас. В глазах круги плывут, качаешься, как пьяный, но все-таки через силу бросаешь землю. В сумерках приказ: отставить. НП на старом месте. Сколько ненужного труда, сколько сил пропадает зря, а ведь после все это скажется.

1 мая

Ввиду торжества назначен дежурным. Дали по 100 грамм коньяком. Пошел с "Мон бель ами", и выпили еще древесного спирта у разведчиков, еще и теперь голова болит. Все говорят о конце войны и с нетерпением его ожидают.

10 мая

Итак, дождались. Нет слов, чтобы выразить чувства. К тому же за четыре года солдатское сердце стало скупым. Но тем не менее... Значит, мне суждено было пережить и остаться в живых. Да, это великое счастье. А много наших товарищей так и не дожило до этого времени. Вчера еще трое подорвались с орудием. И какие ребята. Могу себе сказать: "Ты перенес немало, у тебя сложилось понимание вещей и трезвый взгляд на всякие события, взгляд солдата опытного... Пльви по тому курсу, который наметил. Мы уже в Чехии, радостные встречи, почище, чем на Украине."

21 мая

Выписали предписание на армейские курсы лейтенантов-парторгкомсorghов. Я себе просто места не нахожу. Батя мне сказал: "Ну, подумай, вернешься через три месяца, и мы с тобой, Г.М., разойдемся по домам. С такими людьми, как ты, расставаться трудно". Да, захлопнула злодейка-судьба дверцы, и вот я в пастке.

2 июня

Итак, вот финал этой глупой водвили, которая больше недели разыгрывалась. Сажу в 41-м запасном стрелковом полку, и завтра в 8.00 отправляемся в 213-ю стрелковую дивизию. Когда я попал на курсы, думал, сойду с ума. Это "становись", эти экзерциции выводили меня из себя. Я начал вырываться, но тщетно. Первыми жертвами были мой чуб и пистолет, за который эти туповые крысы чуть не разодрались... После комиссии по состоянию зрения отправили в Герлиц в 41 запасной стрелковый полк. А наш полк стоял рядом, и его обоз уже стоял на дороге. Я подбежал в "бате", сказал ему суть дела. Он поговорил с помполка 41. Я поначался в 41-й, захватил вещи и припер обратно. Погрузил на машину. Я ликовал, но преждевременно. В казарме уже меня поджидали двое архангелов. Делать было нечего, и под "почетным" караулом-эскортом я был водворен обратно в 41 з.с.п. Дали 10 суток гауптвахты и обещали передать дело в трибунал. Положение было похоже на то, как в памятные дни 1941 года. Одна мысль мрачнее другой приходила в голову. Сосчитал шагами весь погреб. Сон и еда не шли на ум. На третьи сутки выпустили, назначили в 213 стрелковую дивизию. Может быть, еще вырвусь, но шансов мало... Главное, лишился друзей.

3 июня

Маршировать 12 дней. Выдержу ли?

20 июня.

- Пересекли германско-польскую границу, прошли Ченстохов и прибыли в Конекон, на окраине которого в лесу стали. Сколько незаслуженных обид, унижений, оскорблений перенес за это время. Еще хуже, чем в 41 году... Видел, как наши проехали на двух машинах и среди них все мои друзья. Пришлось только помахать рукой и проглотить горячую слезу... Написал "бате". Выйдет ли что-либо?

6 июля

...Идем во Владимир-Волынский, оттуда после отдыха дальше на Украину. Пришло пополнение - расформирован 4-й Украинский фронт. Беспорядочно движутся войска и обозы, все машины с кричащими лозунгами.

10 июля

Сегодня дневка в 4-х километрах от Быджейова. Я все боялся, что встречу с кем-нибудь из наших. Я бы не выдержал этой встречи. Получил письмо от "Мон бель ами"... Он жалеет, что машина не затормозила, когда мы встретились на дороге. Тогда бы сообразили. Поздравил с медалью. Писем мне там гора. Небось, уже оплакивают.

Снова дневка. Стоим у Вислы. Наши уже впереди. Ответа от "богов" нет, значит, крышка. Надежда только на себя.

26 июля

Итак, граница. Стоим на левой стороне Западного Буга, с. Кристополь. Пройдем 35 километров и будем прочесывать леса, искать бандеровцев и проч. Кроме того, установлен надзор за освобожденными из германской неволи. Добрая часть оказалась теми, кем интересуются органы, и они это только теперь понимают.

18 июля

Вчера в 8.00 пересекли польско-советскую границу. На нашей стороне стояли у моста пограничники, командование дивизии. Приветствовали с музыкой, кричали "ура". В первом же селе мы встретили погранзаставу, которая была опутана в несколько рядов колючей проволокой: от нападения бандеровцев. Первое маленькое местечко на нашем пути - Виткив Малы. Центр сожжен. На одном доме нарисованы две шестиконечные звезды... Стоят белые коробки без окон и дверей. А когда-то там была жизнь, радости и горе людей. Где эти люди? Как тяжело им было в последние дни...

В районном центре Радзихув был митинг всей дивизии. На базарной площади стоял грузовик с плакатами. Секретарь райкома: "При вашей площади мы установим крепкую - раз и навсегда - диктатуру пролетариата и укрепим ее". Этот митинг напомнил времена гражданской войны. В памяти остались обрывки впечатлений: жара, горячий воздух, толпа у колонки, где вода. На руках из строя выносятся обморочных от теплового удара,

неумелые речи с трибуны. Ветер играет на площади листьями из древнееврейских книг, в которые заворачивают вишни на базаре. Мелькают старинные буквы арамейской письменности. Как тяжело смотреть на них. Они растащены из домов вместе со скарбом местечковых сапожников, портных, мелких лавочников, "людей воздуха" и синагог. Галиция - здесь в местечках жили фанатично преданные своей религии люди, которых уничтожили. И только развалины домов и листы из священных книг напоминают о них. Но скоро и это исчезнет. Немногие будут помнить, что здесь в течение многих веков жил народ и в течение двух лет исчез.

13 августа

Еще позавчера объявили, что война с Японией закончилась. Солдаты кричали "ура", этим обычно выражается солдатская радость, а в своей среде и радость и горе выражаются одним - крепким матом.

Скоро снова осень. А я все еще здесь. Когда я попаду за университетскую парту? Ходил в местечко. Очень тяжелое впечатление. Центр, где жили евреи, разбит. Дома стоят без окон и дверей. Зияют черные дыры. Все растаскано. Даже крыши срывают. Все мертво и пусто. Нет той живости и уюта, которыми они раньше отличались. Это уже не те местечки, которые описали Шолом Алейхем, Дойнбер Левин. В синагогах сделали конюшни, все загажено, испачкано... Был на кладбище. Оно в самом местечке, ибо находится во дворах домов, уже после выстроенных. Большие могильные плиты, старые, времен Австро-Венгрии, стоят на могилах очень кучно. На иных склоненная ветка, а снизу голубы или восьмисвечник. Кругом красивый орнамент, уже тронутый временем. На некоторых надписи - наивные мысли наших предков: хотят после смерти попасть туда, куда при жизни не попали. Густая трава меж камней. Вспомнился Фруг и его описание еврейской колонии на Херсонщине, так тепло, нежно и лирично сделанное им. А здесь - поломанные памятники, на могилах посажена картошка. Не дают покоя и мертвым. Проходил другое местечко - Лопатин. Там было 450 семей, немногие спаслись. Дома разгромлены и разграблены. Две большие синагоги. Из одной делают мельницу. Как тяжело все это видеть. Как жестоко и несправедливо поступила с тобой судьба, народ мой. За что?

19 августа

Сегодня мой день рождения - 25 лет. Это треть жизни, а возможно, и больше. Встречаю свое 25-летие в глухом галицийском лесу, солдатом. Думаю о будущем. Учеба. Я хочу учиться, но не в БГУ: там теперь ничего нет. Я мечтаю об МГУ. Если уж попаду, то будет у меня большая задолженность: полный курс поли-

тэкономии, истмат, диамат, еще что-либо. Будет трудно, но я готов на все, лишь бы успеть.

16 сентября

Приехали в местечко Туромичи. В доме, где мы расположились, нет ни дверей, ни окон. Некогда он принадлежал Фишу-шинкарю, а на втором этаже жил врач. Немцы и владельца, и жильца с их семьями расстреляли. В этом доме поселилась немецкая военная команда. Теперь здесь местный почтарь молотит свой урожай. Крыльцо выложено могильными плитами с еврейского кладбища. Все на каждом шагу напоминает о загубленных жизнях. Нашли самогон, хлопцы пьют.

1 октября

...Постановление о второй очереди демобилизации. Здесь-то и я попадаю. Это, наверное, в ноябре... Наконец-то дождался. В тяжелые дни июня 1941 года, когда смерть была на носу, я не терял надежды. Хотя в матрикуле (зачетной книжке) было написано полностью имя и отчество, с ним я был на Тощице, с ним же в Могилеве, а затем Лубны и путь в Кременчуг... И все время они были со мною. И теперь, просматривая истертые и пожелтевшие листки, я могу сказать себе спасибо, что сохранил. Я уже занесен в списки демобилизуемых. Не знаю только, как это будет, когда я поеду на гражданку, когда скажу: "Прощай, оружие!" Ведь не зря же я рвался с курсов, отказывался от училищ. Когда были в Радзехове, после облавы, ночевали у начальника райземотдела в квартире. Семейный уют. Особенно это почувствовал, когда по старой солдатской привычке лег на полу под шинелью. И я подумал: "Доживу ли я когда-либо до этого. Впереди еще много трудностей, и до семейной оцепи далеко. А уже 26-й год идет."

16 октября

...Когда я пошел в штаб полка и там начал разговор о демобилизации, стал вопрос о документах. Я с готовностью показал, и оказалось, что в матрикуле нет печати там, где написано, что я переведен на третий курс. Кроме того, и студенческий билет действителен до 1 января 1940 года. А дальше я его не продлил. Наша секретарша Шура этим делом не занималась. Послал запрос в Минск. А что, если документы пропали в срок первом году?

23 октября

Так мрачно на душе в этой казарме. С сожалением и болью в сердце смотришь, как постепенно разбегаются люди. А время течет и течет. Бессмысленно проходят дни. Злосчастная судьба готовит мне одно испытание за другим. Эти... никак не могут разобраться в моих документах. Чтобы занять чем-то время, читаю Библию: то, что не успел выучить в хедере. Да, все хорошо шло. Появились герои вроде Деборы, Аарона, Гедеона, Симеона, ка-

торые спасали народ. А сейчас никто не появляется. Правда, были герои Варшавского восстания 1943 года, Виттенберг в Виленском гетто, в Белостокском гетто, в партизанских отрядах Украины, Литвы, Белоруссии, Польши, но про них мало кто знает. Процесс денационализации и ассимиляции продолжается. И сейчас он грозит полным исчезновением народа с тысячелетней историей. И прав был Гордон, когда писал: "Быть может, последний певец я Сиона, вы последние, кто читаете меня".

4 ноября

Итак, свершилось! Исторический миг. Наконец-то могу сказать: "Прощай, оружие!" Поехал утром во Львов на подножке и в тамбуре. Холод. Львов встретил морозным утром. Первое, что увидел, - это рынок. Море людей. На тротуарах расставлены шкафы, трюмо, столы, стулья. Элеган-

тно одетые люди стоят и ждут покупателей. Слышна русская, польская, еврейская речь. Многие в немецких шинелях. Город полон военных. Магазины пусты. Все на карточки. Из магазинов несут по 300 граммов черного хлеба. В витринах коммерческих магазинов водка, колбаса, сыр. В городе много пленных. Работают на восстановление разрушенного.

На Киевский, Харьковский и Московский поезда очень трудно сесть. Патрули вытаскивают из вагонов. Вообще-то проехать можно и в тамбуре, и на крыше. Встретил Новикова. Едет с чемоданами, одет с иголочки. Работал в военторге. Все-таки люди

предприимчивы... Это только я везу с собою Библию и больше ничего. Как встретит меня жизнь? Неужели все мои мечты полетят прахом?

5 ноября

Сажу в Киверцах. Всю дорогу проехал в тамбуре. Пришлось замерзнуть. Встретился с демобилизованными парнями-евреями. Они из Острога. Они все хотят удрать в Польшу, а оттуда в Палестину или Америку. Причины таковы: отношение к ним здесь враждебное. Веками вбивали в головы пастыри и агитаторы, что жид - враг Христов, сосет кровь и т.д. Национальное сознание выросло у нашей молодежи...

На этом заканчивается дневник солдата. Потом было возвращение домой, в Минск, возвращение в Университет. Хорошо помню, как в ноябре 45-го вернулся из армии наш солдатик (так ласково называл его всю жизнь мой отец), в выдавшей виды шинели, с тощим "сидором" за плечами. Впереди было ровно сорок лет жизни - трудной, небогатой, но счастливой - в дружной, любящей семье, среди драгоценных книг. Всего сорок лет.